Валерий Чёрный

Слепая зона 3: Отражение

Валерий Чёрный

Слепая зона 3: Отражение

«Автор»
2026

Чёрный В.

Слепая зона 3: Отражение / В. Чёрный — «Автор», 2026

Двое учёных создали «Атлас» — империю, способную менять ткань реальности. Они умеют быть невидимыми, путешествовать между мирами и создавать идеальные копии себя. Но чем больше могущества, тем опаснее секрет.Скрываясь от теневого комитета, отдавшего приказ об их ликвидации, Корнелиус Штерн и Себастьян Хольт узнают имя главного врага — Сайрус Вейн, человек-тень, чья подпись решает, кому жить, а кому исчезнуть. Теперь у них есть цель и план. Они вербуют союзников — от уставшего от приказов спецагента Адриана Восса до гениального, но неудобного физика Элиана Роу, — и готовятся нанести удар.Но их мир продолжает расти: города, деньги, легенды и пять держав, готовых начать войну. И чем сложнее становится их творение, тем чаще они задаются вопросом — они всё ещё архитекторы или уже пленники собственного замысла?

© Чёрный В., 2026
© Автор, 2026

Валерий Чёрный
Слепая зона 3: Отражение

СЛЕПАЯ ЗОНА 3: ОТРАЖЕНИЕ

ГЛАВА 1. НИЗКАЯ ТЕНЬ

В зале без окон пахло горячей резиной и озоном. Корнелиус и Себастьян стояли друг напротив друга в центре мата. На обоих были только тёмные рубашки и свободные штаны. В руках — ножи. Электрические, лёгкие, почти невесомые, с тонкими лезвиями и двумя контактами у основания. При касании они не резали, а били коротким разрядом.

Себастьян держал нож обратным хватом — лезвием вниз. Корнелиус — прямым. Они смотрели друг другу в глаза.

— Готов? — спросил Себастьян.

— Готов.

Себастьян шагнул первым.

Он не замахивался. Просто выбросил руку вперёд, коротко и резко, целясь Корнелиусу в живот. Корнелиус повернул корпус, и лезвие прошло мимо, чиркнув по ткани рубашки. Себастьян тут же ушёл в сторону — не назад, а по кругу, меняя угол атаки. Его свободная рука была поднята, контролируя дистанцию.

Корнелиус не стал ждать. Он шагнул навстречу, сокращая расстояние, и ударил сам — снизу, в бок. Себастьян заблокировал предплечьем, и разряд ударил в руку. Треск. Мышцы свело. Корнелиус зашипел, но не отступил. Он развернул кисть и полоснул по запястью Себастьяна. Тот успел отдёрнуть руку, но лезвие задело кожу. Разряд.

Теперь зашипел Себастьян.

Они снова сошлись.

Себастьян атаковал двойным ударом — первый тычок в грудь, чтобы заставить Корнелиуса поднять руки, а второй, хлёсткий, по корпусу сбоку. Корнелиус успел заблокировать первый, но второй достал его в живот. Разряд был сильным. Корнелиус охнул и сделал шаг назад.

Себастьян не стал добивать. Он отступил на полшага и снова начал двигаться по кругу.

Корнелиус выпрямился. Он больше не пытался поймать запястье Себастьяна. Он просто двигался. Короткие шаги, резкие повороты. Он уходил с линии атаки, и его нож мелькал в воздухе — прямой хват, лезвие вперёд, короткие тычки и режущие движения.

Себастьян шагнул вперёд. Корнелиус шагнул в сторону — и ударил. Лезвие прошло по бедру Себастьяна. Разряд. Тот зашипел и отступил.

— Вот, — сказал Корнелиус. — Вот так.

Они снова сошлись.

Теперь это был не урок. Это был бой. На равных. Оба двигались быстро, но без спешки. Оба знали, что делают. Себастьян использовал угловое смещение — уходил в сторону, менял угол, заставлял Корнелиуса промахиваться. Корнелиус отвечал прямыми атаками — короткими, резкими, целясь в открытые места.

Себастьян ударил сбоку. Корнелиус принял на предплечье. Разряд. Боль. Но он не отступил. Он развернулся, поймал руку Себастьяна и полоснул по предплечью. Разряд. Себастьян выругался и отскочил.

Корнелиус шагнул вперёд. Себастьян попытался уйти по кругу, но Корнелиус не отставал. Он не давал ему разорвать дистанцию. Он бил коротко, резко, постоянно меняя направление. Себастьян блокировал, уходил, контратаковал. Но Корнелиус уже понял ритм.

Себастьян сделал выпад — прямой, в грудь. Корнелиус ушёл в сторону. И в ту же секунду ударил сам — снизу, в живот. Себастьян не успел заблокировать. Разряд. Он согнулся.

Корнелиус не стал добивать. Он отступил на шаг и опустил нож.

— Чисто, — сказал он.

Себастьян выпрямился. Тяжело дыша, посмотрел на него. Потом улыбнулся.

— Чисто.

Они сели на скамью у стены. Корнелиус растирал запястье, на котором уже проступили красные следы от разрядов. Себастьян — предплечье.

— Знаешь, что я понял? — сказал Корнелиус, глядя на свои руки. — Мы слишком расслабились. Привыкли полагаться на скорость. А когда тело не слушается — мы обычные люди.

— И это хорошо, — сказал Себастьян. — Потому что мы не должны быть сверхчеловеками. Мы должны быть незаметными.

Корнелиус посмотрел на него. Потом кивнул.

— Продолжим.

Они стояли в центре зала, и в руках у каждого было по две палки.

Лёгкие, матовые, с тонкими контактами на концах. Электрические. При касании они не ломали кости, а били током — коротким, злым разрядом, от которого мышцы сводило, а дыхание сбивалось. Себастьян держал палки свободно, чуть опустив концы вниз. Корнелиус — выше, готовый к первому движению.

— Начали, — сказал Себастьян.

Он шагнул первым. Не вперёд — в сторону, по дуге, сокращая дистанцию под углом. Правая палка пошла снизу, целясь Корнелиусу в бедро. Левая — одновременно — сверху, в плечо. Это был классический двойной удар из арсенала добле бастон: одна палка отвлекает, вторая бьёт в открывшееся место.

Корнелиус принял нижний удар на свою правую палку, а верхний — на левую. Два треска слились в один. Ток ударил в обе руки. Корнелиус зашипел, но не отступил. Он толкнул палки Себастьяна вверх, сбрасывая захват, и сразу же ударил сам — правой палкой по корпусу, левой — по предплечью.

Себастьян ушёл. Не назад — вбок, снова меняя угол. Его палки описали короткую дугу и снова пошли вперёд — теперь по горизонтали, навстречу друг другу, чтобы сжать Корнелиуса в клещи.

Корнелиус шагнул между ними. Палки Себастьяна столкнулись там, где секунду назад была его голова. Корнелиус развернулся на пятке и ударил обеими палками сразу — в спину, в бок. Себастьян успел подставить одну, но вторая достала его по лопатке. Разряд. Он дёрнулся, но устоял.

— Хорошо, — выдохнул Себастьян. — Очень хорошо.

Они снова сошлись.

Теперь это был не обмен ударами. Это был разговор на языке палок. Себастьян двигался по кругу, его палки мелькали в воздухе, выписывая синавали — плетение, в котором одна рука не повторяет другую, а дополняет её, создавая непрерывный поток угроз. Верх, низ, сбоку, снова верх. Корнелиус отвечал тем же, но жёстче. Он не плел узор — он пробивал его. Прямые удары, короткие, как выдох. Блок одной палкой и немедленный удар второй — блок-удар, самый эффективный принцип филиппинского боя.

Себастьян ударил сверху. Корнелиус подставил палку, и разряд ударил в древко. Ток пробежал по руке. Но Корнелиус уже бил второй палкой — снизу, в живот. Себастьян не успел заблокировать. Разряд. Он согнулся, но тут же выпрямился и ударил снова.

Они кружили по залу. Палки сталкивались с треском, разряды вспыхивали, как искры. Пот на лицах, дыхание сбито, но движения не теряли точности. Себастьян был текучим, как вода. Корнелиус — твёрдым, как камень. Они были равны.

Себастьян сделал выпад — обе палки вперёд, в грудь. Корнелиус ушёл в сторону, и палки Себастьяна прошли мимо. В ту же секунду Корнелиус ударил — правой по запястью, левой по плечу. Разряды. Себастьян выронил одну палку. Она упала на мат, и ток в ней погас.

Себастьян посмотрел на свою руку. Потом на Корнелиуса.

— Чисто, — сказал он.

Корнелиус опустил палки.

— Чисто.

Они стояли, тяжело дыша, и смотрели друг на друга. Палки в руках всё ещё гудели, готовые к новому разряду. Но бой был окончен.

Корнелиус бросил палки на стойку. Они звякнули, и разряды погасли.

— Ну давай, — сказал он, поворачиваясь к Себастьяну. — Учи меня своему наклону тени.

Себастьян улыбнулся. Он тоже убрал палки и встал в центр зала.

— Смотри. Это не бег. Это падение, которое ты контролируешь. — Он пригнулся, и его корпус вытянулся почти параллельно полу. — Ты не наклоняешься вперёд. Ты позволяешь себе упасть. И ноги просто догоняют тебя.

Он рванул с места. Низко, стремительно, как тень, скользящая по стене. Через три шага он выпрямился и обернулся.

— Теперь ты. Только не думай. Просто падай.

Корнелиус встал на исходную. Он наклонился, перенёс вес на носки. И оттолкнулся.

Первые два шага были неуклюжими. Он слишком сильно наклонился, и его повело в сторону. Он попытался выровняться, но ноги запутались, и он чуть не упал лицом в мат. Себастьян поймал его за плечо.

— Слишком низко, — сказал он. — Ты не должен касаться пола. Ты должен быть над ним. Как будто летишь.

Корнелиус выпрямился. Он тяжело дышал.

— Легко сказать.

— Попробуй ещё раз. Только теперь держи корпус ровнее. И не смотри на пол. Смотри вперёд.

Корнелиус попробовал снова. На этот раз он наклонился меньше. Оттолкнулся. И побежал. Не так быстро, как Себастьян, но уже ближе. Он пролетел через зал, резко затормозил и выпрямился.

— Лучше, — сказал Себастьян. — Но ты всё ещё думаешь о ногах. Перестань. Думай о том, куда ты бежишь. Ноги сами догонят.

Он встал рядом.

— Давай вместе. На счёт три.

Они пригнулись одновременно. И рванули.

Себастьян летел впереди, как тень. Корнелиус — чуть позади, но уже не падая. Он держал корпус ровно, ноги работали быстро и чётко. Они пролетели через зал и остановились у дальней стены.

Корнелиус выпрямился. Он тяжело дышал, но улыбался.

— Получилось.

— Получилось, — согласился Себастьян. — Но ты всё ещё слишком напрягаешься. Расслабь плечи. И дыши.

Они тренировались ещё час. Корнелиус падал, поднимался, снова падал. Но с каждым разом движения становились плавнее. К концу часа он уже не думал о ногах. Он просто летел.

Наконец они сели на скамью у стены. Корнелиус растирал колено, на котором уже проступил синяк от неудачного падения.

— Знаешь, что я понял? — сказал он, глядя на свои руки. — Это не про скорость. Это про доверие. Ты должен доверять своему телу.

— Именно, — сказал Себастьян. — И это самое сложное. Потому что мы привыкли всё контролировать. А иногда нужно просто отпустить.

Корнелиус посмотрел на него. Потом кивнул.

— Ты прав.

Они сидели в тишине, и только гудели лампы под потолком. За стенами зала спал город, полный огней и жизни. А здесь, в этом бетонном кубе, два учёных учились быть тенями.

ГЛАВА 2. АБСОЛЮТНАЯ ТАЙНА

Терраса их дома выходила на запад. Там, где ультрамариновый песок встречался с горизонтом, небо сейчас окрашивалось в цвета старого золота и остывающего пепла. Внизу спал город — их город. Тысячи огней, ровные кварталы, жизнь, которая шла своим чередом.

Корнелиус сидел в глубоком кресле, положив ноги на пуф. В руке он держал бокал с коньяком, но не пил. Он просто смотрел, как янтарная жидкость ловит последние лучи солнца. После тренировки мышцы приятно ныли, а в голове, наконец-то, было тихо. Никаких формул, никаких паттернов — только усталость и покой.

Себастьян стоял у перил, спиной к нему. Ветер трепал его расстёгнутую рубашку. Он молчал уже минут десять, и Корнелиус знал, что это не просто пауза. Себастьян думал. И то, что он собирался сказать, было тяжёлым.

Наконец он обернулся.

— Корнелиус.

— Слушаю.

Себастьян подошёл и сел в кресло напротив. Он поставил свой бокал на столик, даже не пригубив.

— То, что мы сделали. Капсулы. Перенос. Всё это. — Он посмотрел другу прямо в глаза. — Об этом не должна знать ни одна живая душа в этом мире.

Корнелиус медленно кивнул. Он не удивился. Он ждал этого разговора.

— Я знаю.

— Нет, ты не понимаешь. — Себастьян подался вперёд, опираясь локтями на колени. — Это не просто секрет. Это самый дорогой секрет, который у нас есть. Дороже Обители. Дороже ресурсов. Дороже всего.

Он провёл рукой по волосам, откидываясь назад.

— Подумай сам. Мы живём в мире, который сами создали. Здесь есть люди, города, законы. Они живут своей жизнью, строят планы, влюбляются, воюют. Но они не знают главного. Они не знают, что мы — архитекторы. Если они узнают, что мы можем не просто появляться и исчезать, а создавать точные копии себя? Идеальные копии, которые думают, чувствуют, помнят? Если они поймут, что мы можем быть везде и нигде одновременно?

Он помолчал, глядя на огни города.

— Это станет оружием. Самым страшным оружием, которое только можно представить. И оно будет направлено против нас. Потому что каждый, кто узнает правду, захочет её отобрать.

Корнелиус сделал глоток коньяка. Тёплая волна прошла по горлу.

— Ты прав, — сказал он тихо. — Это гениальное изобретение. И именно поэтому оно должно оставаться в тени. Мы не боги, Себастьян. Мы просто учёные, которые нашли лазейку. Но если кто-то решит, что мы играем в богов... — Он покачал головой. — Они придут за нами. И они не остановятся.

Себастьян кивнул.

— Лейд знает о капсуле. Но он не знает, как она работает. Он не знает формулы. Он не знает, что за ней стоит. И он никогда не должен узнать. — Он поднял свой бокал. — Мы дадим ему то, что нужно для переговоров. Но не больше.

— А местные? — спросил Корнелиус. — Те, кто работает на нас? Те, кто видит наши машины, наши дома?

— Они знают только то, что им положено знать. — Себастьян сделал глоток. — Они думают, что мы — богатые эксцентричные учёные. Пусть так и думают. Чем меньше они знают, тем безопаснее для всех.

Корнелиус посмотрел на него. Долго. Потом улыбнулся. Тихо, без веселья.

— Знаешь, что самое смешное? — сказал он. — Мы столько лет мечтали о том, чтобы нас признали. Чтобы наши работы прочитали, чтобы нас поняли. А теперь... мы прячемся. От всех. Даже от тех, кто мог бы оценить.

— Это цена, — сказал Себастьян. — Цена за то, чтобы быть свободными. Мы не можем иметь и то, и другое. Либо мы — гении, которых все знают. Либо мы — тени, которые живут так, как хотят.

Он поднял бокал.

— Я выбираю тени.

Корнелиус поднял свой.

— Я тоже.

Они чокнулись. Тихо, без звона. Как чокаются люди, которые только что заключили договор, о котором не должна знать ни одна живая душа.

За окнами догорал закат. Город внизу зажигал огни, и где-то там, в этих домах, люди жили своей жизнью, не подозревая, что над ними, в доме на краю мира, сидят двое и решают судьбу их реальности.

— Спина к спине? — спросил Себастьян.

— Спина к спине, — ответил Корнелиус.

Они выпили. Коньяк был хороший. Ночь вступала в свои права. А тайна оставалась там, где ей и было место — в тишине между двумя людьми, которые знали друг друга лучше, чем кто-либо во вселенной.

Ночь окончательно вступила в свои права. Ветер стал холоднее, и с песков потянуло сыростью. Корнелиус поставил пустой бокал на столик, и в тишине этот звук прозвучал неожиданно резко.

Он подался вперёд, опираясь локтями на колени, и посмотрел на Себастьяна.

— Мы знаем имя.

Себастьян замер. Он не переспросил. Просто его взгляд стал жёстким, как сталь.

— Тот человек, — сказал Корнелиус тихо. — Тот, в кабинете. В дорогом костюме. Тот, которого ты застрелил.

Себастьян медленно выдохнул. Он помнил этот момент так же ясно, как если бы это было вчера. Тот кабинет, тот человек в сером костюме, его спокойный голос и то, как он смотрел на них, когда понял, что не выйдет живым.

— Он назвал имя, — сказал Себастьян. — Перед смертью. Я помню.

— Я тоже помню. — Корнелиус выпрямился. — Я проверил его. Через наши старые архивы. Через данные, которые мы собирали, пока строили Обитель. Это не просто имя. Это ключ.

Он сделал паузу.

— Сайрус Вейн.

Себастьян нахмурился. Он знал это имя. Оно мелькало в новостях, в аналитических сводках, которые они просматривали через окно. Вейн был не просто чиновником. Он был тенью. Человеком, который не появлялся на публике, но чьи решения определяли политику ведомств.

— Глава теневого комитета, — сказал Себастьян. — Тот, кто подписал приказ о нашей ликвидации.

— Именно. — Корнелиус кивнул. — Тот, кто послал сорок четыре человека, чтобы убить нас. Тот, кто до сих пор ищет нас. И тот, кто не остановится, пока мы не исчезнем.

Он поднялся и подошёл к перилам, глядя на город.

— Когда ты выстрелил в него, он был в панике. Он не хотел умирать. Он назвал имя, чтобы выторговать себе жизнь. Но ты всё равно выстрелил. В голову. Потому что он видел слишком много.

Себастьян молчал. Он помнил, как нажимал на курок. Помнил, как тело рухнуло на стол. Помнил кровь на бумагах.

— И что теперь? — спросил он.

— Теперь у нас есть имя. — Корнелиус обернулся. — И это меняет всё. Мы больше не просто прячемся. Мы знаем, кто наш враг. И мы можем до него добраться.

Себастьян подошёл к нему.

— Ты хочешь его убить?

— Я хочу его остановить. — Корнелиус покачал головой. — Убить его — это слишком просто. И слишком опасно. Если Вейн умрёт, его место займёт кто-то другой. А мы не знаем, кто это будет. Но если мы заставим его замолчать... если мы дадим ему понять, что знаем, кто он, и что можем добраться до него в любой момент...

— То он будет работать на нас, — закончил Себастьян.

— Или он запаникует и сделает что-то глупое. — Корнелиус усмехнулся. — Но в любом случае, мы будем контролировать ситуацию.

Себастьян помолчал. Потом сказал:

— Нам нужно быть осторожными. Вейн — не тот человек, которого можно шантажировать. Он привык к власти. Он не боится.

— Он боится. — Корнелиус посмотрел ему прямо в глаза. — Он боится нас. Потому что мы — единственные, кто может появиться из ниоткуда и исчезнуть в никуда. Мы — его самый страшный сон.

Он взял со стола бокал и сделал глоток.

— Мы подождём. Закончим с капсулой. А потом... потом мы отправим клону приглашение. Вейну. Лично.

Себастьян медленно кивнул.

— Хорошо. Но пока — ни слова. Ни местным. Никому.

— Никому, — согласился Корнелиус.

ГЛАВА 3. КАРТА МИРА

Кабинет был погружён в полумрак. Только огромный монитор, занимавший всю стену от пола до потолка, светился холодным голубым светом. На нём разворачивалась карта — живая, настоящая. С городами, дорогами, границами, которые простирались далеко за пределы их ультрамариновых песков.

Корнелиус стоял у пульта, скрестив руки на груди. Себастьян сидел в кресле, откинувшись назад, и медленно потягивал кофе. Они смотрели на цифры, которые бежали по экрану, и молчали.

— Итак, — сказал наконец Корнелиус. — Давай посмотрим, что здесь есть.

Он провёл рукой по сенсору, и карта увеличилась. Города вспыхнули ярче, дороги потянулись нитями, а в углу экрана появились столбцы данных.

— Население, — прочитал Себастьян. — Восемьдесят четыре миллиона. В трёх основных регионах и семнадцати городах-государствах.

— Семнадцать? — Корнелиус поднял бровь. — Я думал, их меньше.

— Они растут быстрее, чем мы успеваем считать. — Себастьян сделал глоток. — Пока мы строили дом, они строили стены. И границы.

Он увеличил карту. На ней проступили линии — не просто дороги, а настоящие границы. Одни были отмечены зелёным, другие — жёлтым, третьи — красным.

— Три крупных союза, — сказал Себастьян. — Северный альянс, Южная конфедерация и Восточный пакт. Они торгуют между собой. Иногда воюют. Иногда мирятся.

— А деньги? — спросил Корнелиус.

Себастьян нажал на иконку, и на экране появились монеты. Круглые, с чеканкой, разных размеров и цветов.

— Три валюты. Золотой стандарт на Севере — тяжёлые монеты с профилем. Южане используют бумажные ассигнации, подкреплённые ресурсами. А на Востоке — бартер и кристаллы. Настоящие кристаллы, которые они добывают в шахтах.

Корнелиус подошёл ближе.

— А легенды? — спросил он. — У них есть свои мифы?

— Есть, — сказал Себастьян. — Они верят в древних создателей. Тех, кто, по их мнению, сотворил землю и ушёл. Но мы-то знаем, что это не так. Мы просто живём на краю их земель, и они нас не видят.

Он увеличил карту ещё сильнее, и на ней проступили детали. Рынки, фабрики, порты. Караваны, которые тянулись через пустыни. Корабли, которые шли по морям.

— Торговля идёт полным ходом, — сказал Себастьян. — Север продаёт металл. Юг — ткани и зерно. Восток — кристаллы и редкие сплавы. У них уже есть свои деньги, свои законы, свои праздники.

— А войны? — тихо спросил Корнелиус.

Себастьян помолчал. Потом нажал на другую иконку, и на карте вспыхнули красные точки.

— Три конфликта за последние два года. Два пограничных спора и одна торговая блокада. Ничего серьёзного. Пока.

Корнелиус смотрел на карту. На города. На границы. На людей, которые жили своей жизнью, не подозревая, что двое учёных наблюдают за ними с другого конца их мира.

— Мы должны понять их, — сказал он. — Изучить. Кто они. Чем живут. Чего боятся. И чего хотят.

— Согласен, — сказал Себастьян. — Это не просто карта. Это их жизнь. И нам нужно знать о ней всё, если мы собираемся здесь остаться.

Корнелиус медленно выдохнул.

— Тогда начнём. — Он взял со стола чашку. — У нас есть карта. Есть данные. Осталось понять, что с этим делать.

Себастьян снова повернулся к монитору. Он провёл рукой, и карта снова изменилась. Теперь на ней проступили флаги. Настоящие флаги. С гербами, с цветами, с символами.

— Пять, — сказал он. — Пять держав, которые могут воевать. Остальные — либо слишком малы, либо слишком далеко. Но эти пять... — он покачал головой, — у них есть всё, чтобы начать большую войну. Армии, ресурсы, амбиции. И им нужен только повод.

Корнелиус смотрел на флаги. Пять держав. Пять армий. Пять причин для беспокойства.

— Значит, у нас есть время, — сказал он. — Пока они не начали. Мы можем подготовиться. Изучить их. Понять, кто из них опасен. Кто может стать союзником. А кто — врагом.

Себастьян кивнул.

— Тогда начнём. — Он поставил чашку на стол. — У нас есть карта. Есть данные. Осталось понять, что с этим делать.

Они склонились над монитором, и голубой свет залил их лица. За окнами спал город, полный огней и жизни. А где-то там, в этом мире, люди жили своей жизнью, не подозревая, что двое учёных только что решили изучить их — как изучают новый вид. С интересом. С осторожностью. И с лёгкой тревогой.

ГЛАВА 4. ЧЕЛОВЕК

Они всё ещё стояли над монитором, когда Себастьян выпрямился и посмотрел на Корнелиуса.

— Друг мой, — сказал он. — А давай пригласим Адриана Восса.

Корнелиус оторвался от карты. Голубой свет экрана лежал на его лице, и в глазах отражались города, дороги и флаги пяти держав.

— Восса? — переспросил он.

— Именно. — Себастьян отошёл от монитора и сел в кресло, закинув ноги на пуф. — Он уже приходил к нам. Один. Без оружия. И он соврал своему начальству. Не рассказал про корабль. Не рассказал про капсулы. Он держит наше слово.

Корнелиус помолчал. Он смотрел на монитор, но думал о человеке, который стоял перед ним в том кабинете. О человеке, который не боялся. Который смотрел на них не как на врагов, а как на задачу, которую нужно решить.

— Он профессионал, — сказал Корнелиус. — А профессионалы не приходят просто так.

— Вот и пригласим его. — Себастьян улыбнулся. — Не как профессионала. Как человека. Посидим. Отдохнём. Поговорим. Без протоколов. Без пистолетов. Без Куратора за спиной.

Корнелиус повернулся.

— Ты хочешь его завербовать?

— Я хочу дать ему выбор. — Себастьян поставил бокал. — Как когда-то дали Лейду. Только Лейд — учёный. А Восс — воин. И воины иногда устают воевать. Иногда они хотят просто... жить.

Он посмотрел на Корнелиуса.

— Ты видел его глаза, когда он смотрел на корабль? Он не боялся. Он восхищался. А восхищение — это первый шаг к доверию.

Корнелиус медленно кивнул. Он подошёл к столу и взял свой бокал.

— Хорошо. Пригласим его. Но не в дом. И не в кабинет. Встретимся на нейтральной территории. В городе. В «Авроре». Пусть он увидит, что мы не прячемся.

Себастьян улыбнулся.

— Согласен. Завтра. В девять.

В «Авроре» было тихо. Верхний ярус, столик у окна, три бокала и бутылка коньяка. Корнелиус и Себастьян сидели напротив друг друга, но места за столиком было три.

Восс вошёл ровно в девять. В гражданском. Без оружия. Он подошёл к столику и остановился, глядя на них.

— Вы пригласили.

— Пригласили, — сказал Корнелиус. — Садитесь.

Восс сел. Себастьян налил ему коньяка. Восс взял бокал, но не сделал глотка.

— Зачем я здесь?

— Поговорить, — сказал Себастьян. — Как человек с людьми. Без протоколов. Без пистолетов. Без Куратора за спиной.

Восс посмотрел на него. Потом на Корнелиуса. Потом снова на Себастьяна.

— Вы знаете, что я соврал своему руководству. Что я скрыл от них то, что видел в вашем доме. — Он помолчал. — Почему вы мне доверяете?

— Мы не доверяем, — сказал Корнелиус. — Мы даём вам шанс.

— Какой?

— Стать частью чего-то большего. — Корнелиус подался вперёд. — Вы профессионал. Вы устали. Мы это видим. Вы хотите не просто выполнять приказы. Вы хотите понимать. И вы уже сделали первый шаг, когда скрыли правду. Теперь сделайте второй.

Восс молчал. Он смотрел на бокал, который держал в руке.

— Что вы предлагаете?

— Работу, — сказал Себастьян. — Не для нас. Для себя. Вы можете остаться в своём мире. Продолжать работать на своё ведомство. Но иногда... иногда вы будете делать то, что нужно нам. Не потому, что мы вас заставляем. А потому, что вы сами захотите.

Восс поднял глаза.

— Вы предлагаете мне стать вашим агентом?

— Мы предлагаем вам стать нашим другом, — сказал Корнелиус. — Другом, который понимает, что мы не враги. И который готов помочь, если понадобится.

Восс долго молчал. Потом сделал глоток коньяка.

— Хорошо, — сказал он. — Я согласен. Но у меня есть условие.

— Какой? — спросил Себастьян.

— Когда-нибудь, — сказал Восс, — вы покажете мне ваш мир. Настоящий. Не голограмму. Не картинку. Настоящий.

Корнелиус улыбнулся.

— Когда-нибудь, — сказал он. — Обязательно.

Они чокнулись. Коньяк был хороший. За окнами горел город, полный огней и жизни. А за столиком в «Авроре» трое мужчин — двое учёных и один воин — заключали договор, о котором не должна была знать ни одна живая душа.

Восс сделал глоток коньяка и поставил бокал на стол. Его лицо не изменилось. Он не улыбнулся, не нахмурился, не выказал ни удивления, ни облегчения. Он просто сидел, глядя на двух мужчин напротив, и в его глазах было что-то, чего они не видели раньше. Не страх. Не злость. Что-то тихое. Что-то, что было спрятано очень глубоко и теперь медленно поднималось на поверхность.

Он согласился слишком быстро. Корнелиус это заметил. Себастьян тоже. Но ни один из них не сказал ни слова. Они просто ждали, потому что понимали: то, что сейчас происходит в голове Адриана Восса, важнее любых слов.

Восс молчал, и в этой тишине перед его внутренним взором проносились годы. Двенадцать лет службы. Двенадцать лет приказов, которые он выполнял без вопросов. Двенадцать лет жизни, в которой он был не человеком, а функцией. Инструментом. Винтиком в огромной машине, которая не спрашивала его мнения и не интересовалась его желаниями.

Он вспомнил, как впервые надел форму. Тогда ему казалось, что он служит чему-то важному. Чему-то большему, чем он сам. Он верил в это. Верил, что его работа имеет смысл. Что он защищает людей. Что он стоит на стороне порядка.

Но шли годы, и вера таяла. Он видел слишком много. Видел, как приказы отдают люди, которые никогда не держали оружия в руках. Видел, как гибнут те, кто просто оказался не в том месте. Видел, как правда становится тем, что решают другие. И он продолжал выполнять приказы. Потому что так было проще. Потому что так было привычнее. Потому что он не знал, что делать, если остановится.

А потом его послали к ним. К двум учёным, которые, по данным ведомства, были опасны. Которые скрылись от правосудия. Которые должны были быть уничтожены.

Восс пришёл в их дом, готовый увидеть что угодно. Угрозы. Оружие. Ловушки. Но он увидел корабль. Настоящий корабль, который висел в воздухе без колёс и без крыльев. Увидел стену, которая стала прозрачной, и за ней — комнату с голограммами и схемами, которые не поддавались объяснению. Увидел людей, которые не боялись. Которые говорили с ним как с равным. Которые не пытались его убить, хотя могли. Которые просто хотели, чтобы их оставили в покое.

И тогда Восс понял, что впервые за двенадцать лет он видит перед собой не врагов, а людей. Людей, которые живут так, как хотят. Которые не прячутся, хотя могут. Которые смеются, хотя их ищут. Которые пьют коньяк и смотрят на город, хотя за ними охотится всё ведомство.

Он соврал Куратору не потому, что боялся. И не потому, что хотел их защитить. Он соврал потому, что впервые за двенадцать лет почувствовал, что делает что-то правильное. Что-то, что идёт не от приказа, а от него самого. От Адриана Восса. Человека. А не функции.

Когда он вышел из их дома в тот вечер, он долго сидел в машине и смотрел в темноту. Он знал, что рано или поздно они снова встретятся. Знал, что этот момент наступит. И знал, что он уже принял решение. Ещё тогда. В машине. В тишине. Когда никто не смотрел.

Он согласился не сейчас. Он согласился ещё тогда. Просто ждал, когда они предложат.

И вот они предложили. И он сказал «хорошо». И это было не «хорошо» для них. Это было «хорошо» для него. Для того человека, которым он был двенадцать лет назад. Для того, кто верил, что служит чему-то важному. Для того, кто устал быть винтиком.

Он поднял бокал и посмотрел на них.

— Я уже принял это решение, — сказал он тихо. — Ещё тогда. Когда вышел из вашего дома. Я просто ждал, когда вы это предложите.

Корнелиус и Себастьян переглянулись. Себастьян улыбнулся. Корнелиус кивнул.

— Тогда, — сказал Корнелиус, — мы рады, что вы с нами.

Они чокнулись. Коньяк был хороший. За окнами горел город, полный огней и жизни. А за столиком в «Авроре» трое мужчин — двое учёных и один воин — начинали новый этап своей жизни. Вместе.

— А вы знаете, кто такой Сайрус Вейн? — вдруг спросил Себастьян, и в его голосе не было ни угрозы, ни нажима. Только тихий, почти ленивый интерес.

Восс не вздрогнул. Не поперхнулся коньяком. Он просто очень медленно поставил бокал на стол, и этот едва слышный стук стекла о дерево прозвучал в тишине громче выстрела. Его лицо осталось непроницаемым, но что-то в глазах изменилось. Там промелькнула тень — не страха, а холодного, расчётливого узнавания.

Он молчал несколько секунд, глядя на Себастьяна в упор, словно пытаясь понять, что именно им известно. А потом заговорил. Ровно, без эмоций, как человек, который читает вслух давно заученный, но всё ещё опасный текст.

— Вейн — это не просто имя, — сказал он. — Это приговор. Тот, кто носит эту фамилию, не сидит в кабинете с табличкой на двери. Вейн — председатель закрытого координационного совета. Человек, которого нет ни в одном открытом реестре, но чья подпись решает, кому в этой системе жить, а кому — исчезнуть. Он не отдаёт приказов напрямую. Он создаёт условия, при которых единственным логичным решением становится чья-то смерть.

Восс сделал паузу, и его губы тронула горькая, почти незаметная усмешка.

— Я знаю, кто он. Но я не знаю, зачем он вам. И, честно говоря, я не уверен, что хочу знать. Если Вейн узнает, что я сижу с вами за одним столом и пью коньяк... — Он покачал головой. — Это будет последний коньяк в моей жизни.

Он поднял бокал, но не выпил. Просто посмотрел сквозь янтарную жидкость на свет, словно искал в ней ответ на какой-то свой, не заданный вслух вопрос.

— Я знаю, кто он. И я знаю, что он не остановится. Он никогда не останавливается. Но я не знаю, что он сделал лично вам. И, возможно, это к лучшему.

— Вы даже имя его не должны знать, — сказал Восс, и в его голосе впервые за вечер прозвучало что-то похожее на настоящую злость. Не на них. На ситуацию. — Как это так? Как вы вообще вышли на него? У него нет открытых дел, нет публичных выступлений, нет ни одной строчки в прессе. О нём знают только те, кто сидит в закрытых кабинетах. И даже они говорят о нём шёпотом.

Он подался вперёд, опираясь локтями на стол, и посмотрел на них обоих.

— Я двенадцать лет в системе. Я знаю имена, которых нет в реестрах. Я знаю людей, которые отдают приказы, не оставляя подписей. Но Вейн... Вейн — это не просто имя. Это пароль. Это допуск. Это человек, который решает, кому жить, а кому исчезнуть. И вы сидите

здесь, пьёте коньяк и спрашиваете меня о нём так, как будто это обычный чиновник из соседнего ведомства.

Он откинулся на спинку стула и покачал головой.

— Либо вы сумасшедшие, — сказал он тихо. — Либо вы знаете что-то, чего не знаю я. И, честно говоря, я не уверен, что хочу это знать.

Себастьян улыбнулся. Тихо, без веселья.

— Мы не сумасшедшие, — сказал он. — Мы просто учёные. А учёные иногда задают вопросы, на которые другие не хотят отвечать.

Восс посмотрел на него. Потом на Корнелиуса. Потом снова на Себастьяна.

— И какие вопросы вы задали, чтобы выйти на Вейна?

Корнелиус сделал глоток коньяка. Поставил бокал.

— Мы не задавали вопросов, — сказал он. — Мы просто слушали. А один человек, перед тем как умереть, назвал его имя.

Восс тихо зашипел. Этот звук был похож на звук выпускаемого пара из перегретого котла. Он подался вперёд, и его лицо, обычно непроницаемое, исказилось от смеси ярости, ужаса и полного непонимания.

— Как так? — прошипел он, стараясь не повышать голос, чтобы не привлечь внимание немногочисленных посетителей в зале. — Как вы можете это знать? О его смерти не сообщали ни в одном канале. Там такое следствие развернули, что половину отдела аналитики на уши поставили! Комиссия из столицы приезжала. Дело засекретили так, что даже я, с моим уровнем допуска, видел только обложку. А вы сидите здесь, пьете коньяк и говорите об этом так, будто это вчерашняя сводка погоды. Неужели вы... — он сглотнул, и его голос упал до шёпота, — неужели вы имеете к этому руку?

За столиком у окна повисла тишина. Только тихо играл рояль на нижнем ярусе, да за окном шумел ветер, гоняя пыль по пустым улицам.

Корнелиус медленно повернул голову. Он посмотрел на Себастьяна. Долгим, спокойным взглядом. В этом взгляде не было ни страха, ни сомнений. Только тихое, почти ленивое предвкушение.

А потом Корнелиус улыбнулся. И засмеялся.

Это был не злой смех. И не безумный. Это был смех человека, который только что сбросил с плеч тяжёлый груз. Смех, в котором было столько холода и уверенности, что Воссу показалось, будто температура в зале упала на несколько градусов. Корнелиус смеялся тихо, прикрыв глаза, и в этом звуке было что-то такое, от чего у Восса по спине пробежал холодок.

— Давайте ему расскажем, — сказал Корнелиус, отсмеявшись. Он взял свой бокал и сделал большой глоток. — Он всё равно уже в лодке. А если он в лодке, он должен знать, куда мы плывём. Иначе он будет грести не в ту сторону.

Себастьян усмехнулся и откинулся в кресле, скрестив руки на груди. Он смотрел на Восса с тем самым выражением, с каким смотрят на человека, который вот-вот узнает главный секрет.

— Тот человек, который назвал имя Вейна, — начал Корнелиус, глядя прямо в глаза Воссу. — Он был не просто чиновником. Он был исполнителем. Он пришёл к нам с оружием. Он хотел нас убить. И он умер. Не от рук правосудия. Не от несчастного случая. Он умер здесь. В нашем мире. Потому что мы позволили ему умереть.

Восс слушал, не перебивая. Его лицо побледнело, а пальцы, лежавшие на столе, медленно сжались в кулаки.

— Вы... вы убили его? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Мы сделали то, что должны были сделать, — сказал Себастьян. — Он пришёл убивать. Мы ответили. Всё просто. Но перед тем как уйти, он сказал имя. И это имя — Вейн. Тот, кто отдал приказ. Тот, кто послал его. Тот, кто до сих пор считает, что может играть с нами.

Корнелиус поставил бокал и наклонился вперёд.

— Теперь вы понимаете, почему мы спросили о нём? — сказал он тихо. — Мы не просто знаем его имя. Мы знаем, кто он. И мы знаем, что он сделал. И мы знаем, что он не остановится, пока не поймёт, что связался не с теми.

Восс долго молчал. Он смотрел на них, и в его глазах медленно проступало что-то новое. Не страх. Не злость. Что-то, похожее на уважение. Или, может быть, на обречённость.

— Вы сумасшедшие, — сказал он наконец. — Вы оба сумасшедшие.

Корнелиус улыбнулся.

— Мы знаем, — сказал он. — И именно поэтому мы всё ещё живы.

Себастьян сделал глоток коньяка и поставил бокал. Он смотрел на Восса с ленивым, почти отеческим снисхождением.

— И это были не только те, кто был в двух зданиях, — сказал он тихо, и его голос звучал так же спокойно, как если бы он обсуждал погоду. — Там было очень много. Гораздо больше, чем ты думаешь. Я лично насчитал пятьдесят. Пятьдесят человек, которые стояли между нами и выходом. А потом мы прошлись по всей цепочке. Все, кто получил приказ, все, кто его передал, все, кто знал.

— Сорок, — вдруг перебил его Корнелиус, и в его голосе не было ни капли хвастовства, только сухая констатация факта. — Я убил сорок. Ты — пятьдесят. И потом мы вместе убили главного.

Себастьян улыбнулся, но Корнелиус поднял руку, останавливая его.

— А вот об этом, — сказал он, глядя прямо на Восса, — даже не стоит говорить. Не потому, что мы боимся. А потому, что это уже не имеет значения. Они мертвы. Все. И никто не знает, где и как. Мы решили, что если уж начинать, то заканчивать. Чтобы не осталось ни одного человека, который мог бы прийти к нам снова.

Восс медленно откинулся на спинку стула. Он смотрел на них так, словно видел впервые. Перед ним сидели не учёные, не бизнесмены, не богатые эксцентрики. Перед ним сидели два человека, которые только что признались в убийстве почти сотни людей — и говорили об этом так, будто рассказывали о ремонте в гараже.

— Вы... — прошептал он, и его голос дрогнул. — Вы понимаете, что вы только что сделали? Вы понимаете, что теперь я тоже часть этого? Я теперь соучастник. Я теперь такой же, как вы. Если это всплывёт...

— Не всплывёт, — сказал Корнелиус. — Потому что мы позаботились об этом. И потому что теперь ты с нами. А мы своих не сдаём.

Он поднял бокал.

— За новых друзей, — сказал он. — И за старых врагов, которые больше никогда не смогут нам помешать.

Восс посмотрел на свой бокал. Потом на них. Потом снова на бокал. И медленно, очень медленно, поднял его.

Восс смотрел на них, и его лицо медленно менялось. Сначала недоверие. Потом — ледяное, почти животное понимание. Он был профессионалом. Он знал, как выглядят раны, оставленные ножом. Он знал, как выглядят раны, оставленные пулей.

— Я... — прошептал он, и его голос сорвался на хрип. — Я же видел сводки. Я видел отчёты экспертов. Там же... там же только ножевых ранений было столько, что криминалисты с ума сходили. Не считая огнестрела. Они не могли понять, как один человек может нанести столько ударов. Как он может так быстро двигаться. Как он может так точно бить. Это же невозможно. Вы не можете. Вы учёные. Никто не может. Они спецы высокого уровня. Они все до единого были профессионалами. Лучшими из лучших!

Он выпалил это шёпотом, но в этом шёпоте было столько ярости, столько отчаяния, что казалось, будто он кричит. Он схватился за край стола, и его пальцы побелели. Он смотрел на них так, как смотрят на чудовищ, которые только что признались в том, что они — люди.

Корнелиус сделал глоток коньяка. Медленно. Смакуя. А потом поставил бокал на стол, и этот тихий, почти неслышный стук прозвучал в повисшей тишине как приговор.

— Вы правы, — сказал он тихо. — Мы учёные. Мы не должны были этого делать. Мы не должны были уметь этого делать. Но мы научились. Потому что у нас не было выбора.

Он наклонился вперёд и посмотрел Воссу прямо в глаза.

— Вы спрашиваете, как мы это сделали? Мы просто не считали их противниками. Мы считали их препятствиями. А препятствия не блокируют. Препятствия убирают. Быстро. Тихо. И так, чтобы больше никто не пришёл.

Себастьян улыбнулся. Тихо, без веселья.

— А то, что они были профессионалами... — он пожал плечами. — Профессионалы работают по протоколу. Они учатся действовать по схеме. А мы не работаем по схеме. Мы — то, для чего схемы не написаны. Мы то, чего они не ожидали. Потому что мы не спецы. Мы учёные. И это делает нас опаснее любого спеца.

Восс молчал. Он смотрел на них, и в его глазах медленно гасло всё, что он знал о мире. Он видел перед собой не просто двух убийц. Он видел перед собой двух людей, которые перешагнули черту, о которой он даже не подозревал.

— Вы чудовища, — сказал он наконец. И в этом слове не было злости. Только констатация факта.

Корнелиус улыбнулся. И поднял бокал.

— Мы не чудовища, — сказал он. — Мы те, кто выжил. И теперь, когда вы это знаете, у вас есть выбор. Остаться с нами. Или уйти. Но если вы уйдёте... — он сделал паузу, — вы уйдёте с этим знанием. И будете жить с ним до конца своих дней.

Восс долго молчал, глядя в свой бокал. Потом поднял глаза, и в них уже не было паники. Была усталость. И было что-то ещё — странное, почти восхищённое.

— Я... — начал он, и голос его звучал хрипло, но уже твёрдо. — Я лучший убийца вне категории. Я не хвастаюсь. Это моя работа. Я знаю, как убивать. Я знаю, как убивать быстро. Я знаю, как убивать тихо. Я знаю, как убивать так, чтобы никто не понял, что это было убийство. Но такое... — он покачал головой, — такое я не могу представить. Даже сейчас, когда вы сидите напротив и говорите мне это в лицо. Я верю вам. Но я не могу представить, как это можно сделать вдвоём. Как можно уложить сотню профессионалов и не получить ни единой царапины. Это за гранью. Это за гранью всего, чему меня учили.

Он сделал большой глоток коньяка, поморщился и поставил бокал.

— Но я лучше буду с вами, — сказал он тихо. — Потому что я профи. А профи всегда выбирает сторону, которая сильнее. И потому что... — он усмехнулся, и в этой усмешке было что-то горькое, — потому что я думал, что вы просто богатые коммерсы. Которые решили поиграть в спецназ. А вы... — он посмотрел на них обоих, и в его глазах наконец-то зажёгся тот самый огонь, который они видели у Лейда, — вы не коммерсы. Вы те, кем я хотел бы стать, если бы у меня хватило смелости.

Корнелиус улыбнулся. Тихо, без веселья.

— Значит, вы с нами, — сказал он.

— Я с вами, — сказал Восс. И поднял бокал. — За вас. За тех, кого нельзя убить. И за тех, кто всё равно попытается.

Они чокнулись. Коньяк был хороший. За окнами горел город, полный огней и жизни. А за столиком в «Авроре» трое мужчин — двое учёных и один воин — начинали новый этап своей жизни. Вместе.

Восс поставил пустой бокал на стол и провёл рукой по лицу. Впервые за весь вечер он выглядел не как профессионал, не как офицер, не как человек, который всегда держит себя в руках. Он выглядел просто уставшим.

— А давайте напьёмся сегодня, — сказал он тихо, и в его голосе не было ни капли того холода, который был раньше. — Я так устал. Я двенадцать лет живу с этим грузом. Двенадцать лет я знаю то, чего не должны знать другие. Двенадцать лет я делаю вид, что всё в порядке. А сегодня... — он обвёл взглядом стол, бутылку, их лица. — Сегодня я узнал, что существуют люди, которые убили сотню профессионалов и даже не запыхались. И я почему-то чувствую себя в безопасности. Впервые за двенадцать лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.